

Жизнь графа Каспара Штернберга, описанная им самим (Окончание)¹

К.М. фон Штернберг

1835

Против своего обыкновения 5 января я поехал к трем моим кузинам, которые жили вместе в нескольких милях от меня в сельской местности, чтобы провести у них мой 75-й день рождения. Они единственные из членов моей семьи, которые еще живут в Богемии, – дочери моего незабвенного друга, которым я сердечно предан и которые в дни моей старости выказывают и мне дружбу и привязанность. Мы провели вместе три чудесных зимних дня; теперь я снова сижу за моим письменным столом и заканчиваю свой труд.

Граф Карел Хотек

Как обычно, я провел зимние месяцы в Праге. Время мое было посвящено обществам, председателем которых я был, свободные же часы – любимым моим занятиям: истории богемского горного дела и флоре Древнего мира.

Перед Пасхой (14 апреля) состоялось годовичное открытое заседание Музейного общества. В конце своей речи, поскольку закончился второй цикл из шести лет моего президентства, я поблагодарил за оказанное мне в течение столь многих лет доверие и сложил свои полномочия. Его Сиятельство, оберстбургграф граф Хотек² неожиданно взял слово и в лестных выражениях снова предложил выбрать меня, что и последовало. Ввиду своей дряхлости я согласился выполнять свои обязанности до тех пор, пока мне позволят силы. Эти речи напечатаны в Трудах музея за 1835 год.

В начале года я съездил в Вену, чтобы ускорить издание второго тома «Путешествия в Бразилию» д-ра Поля, которое затормозилось. При этом, как и всегда, я оказал благотворное влияние на научные учреждения. Поскольку при своем совершенно независимом положении я не стою ни на чьем пути и для себя самого не только ничего не ищу, но и не получаю, то мои слова, как совершенно искренние и недвусмысленные, завоевывают доверие тех, кто имеет влияние. Профессор Моос³ был переведен со своей сомнительной должности при Кабинете натуралий в Императорскую Королевскую Придворную палату в качестве учителя минералогии и геогнозии, где он обретет достойную область деятельности. В отношении Кабинета натуралий также были приняты некоторые предварительные меры; однако там еще многое оставляет желать лучшего.

¹ Начало см. в: *Lethaea rossica*. – Т. 7. – С. 59–63; Т. 8. – С. 53–61; Т. 9. – С. 68–78; Т. 10. – С. 74–84; Т. 12. – С. 113–125; Т. 13. – С. 104–111; Т. 14. – С. 140–151; Т. 15. – С. 113–125; Т. 16. – С. 83–92; Т. 17. – С. 113–121; Т. 18. – С. 91–98.

² *Карел граф Хотек* (1783–1868) – оберстбургграф (наместник) Богемии в 1826–1843 годах (*Ред.*).

³ *Карл Фридрих Христиан Моос* (1773–1839) – немецкий минералог, автор знаменитой шкалы твердости минералов, названной его именем (*Ред.*).

На выставке цветов в Вене меня выбрали на этот год президентом на церемонии награждения вместо скончавшегося графа де Бре: пост, который, не особенно напрягая дух, при хорошей погоде доставляет много удовольствия и дает возможность видеть Их Величеств и высочайших особ.

После моего возвращения в Богемию в мае состоялась выставка овец и общее заседание Союза овцеводов.

Затем у меня осталось несколько недель, чтобы заняться собственными делами здесь (в Бржезине). Они были не особенно радостными, поскольку ожидалась необычайная сушь, как и плохой урожай сена и зерна, а также остановка доменной печи из-за нехватки воды, что позднее действительно и произошло.

В середине июня, как я делал каждый год, я отправился в Карлсбад и посетил обеих графинь Рехберг и г-жу фон Плессен, которую я там видел в последний раз. Она умерла несколько месяцев спустя после ее возвращения домой; достойная жена, мать и подруга, над которой горюют все, кто ее знал.

В этом году в Карлсбаде не было замечательных естествоиспытателей; здоровье мое существенно не ослабло, лишь левая нога сильно опухла, и образовалась рана.

Я предпринял вылазку в Эгер, чтобы взглянуть на мои работы на холме Каммербюль, где Вулкан и Нептун доставили мне множество неприятностей⁴.

Затем я поехал в Теплиц, чтобы снова вылечить ногу, что и удалось. Пребывание было для меня многообещающим; я встретил там Александра фон Гумбольдта, в чьем обществе каждый день находил богатую духовную пищу; в доме герцога Клари меня приняли по-дружески, я предпринимал экскурсии в окрестности, собрал отпечатки растений в жженой пластичной глине бурого угля, а также добрался в Течен к семье Тун. Там я снова застал графиню де Бре с ее дочерью Габриэлой во время их обратной поездки в Германию – эпизод, в котором траурные воспоминания сливаются с радостью новой встречи.

Затем я посетил еще гранатовую формацию в окрестностях Тржиблицы и Длашковица, взобрался на некоторые невысокие (псевдо)вулканы (недалеко от Лауна)⁵ и прибыл назад в Бржезину через Прагу.

⁴ Речь идет о трудностях, возникших при проходке заложённых по распоряжению К.М. Штернберга разведочных туннелей (Ред.).

⁵ Заключенные в скобки слова дописаны. Псевдо-вулканы являются выгоревшими отложениями бурого угля у Кошова (Прим. издателя Ф. Палацкого).

Карл Фридрих Христиан Моос

Рана на ноге снова открылась и стала для меня обременительной, но я не особенно обращал на это внимание, и, когда Их Величества⁶, Император и Императрица, приехали в Богемию, я подался 6 сентября в Пльзень, чтобы дожидаться Их Величеств, поехал заранее в Мариенбад, где встретил своего друга Марциуса, и, наконец, во Франценсбад, где Их Величества наблюдали за работами на холме Каммербюль. Они еще не окончены, присутствие трещины извержения доказано с высокой вероятностью, но ее границы еще не до конца установлены – над чем, однако, ведется работа.

После того как мои друзья, министр граф Коловрат и генерал-адъютант граф Клам-Мартиниц⁷, отбыли, я снова уехал, посетил князя Меттерниха⁸ в Пласе, где пробыл только пару дней, и прибыл снова сюда (в Бржезину), чтобы отдохнуть, поскольку мне предстояла обременительная придворная жизнь, так как в Праге должен был состояться большой съезд коронованных и княжеских особ.

⁶ Фердинанд I (1793–1875) – император Австрии с 1835 по 1848 год. Его супругой была Мария Анна Савойская (1803–1884) (Ред.).

⁷ Карл Иоганн Непомук Габриэль граф Клам-Мартиниц (1792–1840) – австрийский государственный деятель. В последние годы жизни возглавлял военный отдел Государственного совета Австрии (Ред.).

⁸ Клеменс Венцель Лотар фон Меттерних-Виннебург, князь (1773–1859) – австрийский дипломат, министр иностранных дел и государственный канцлер Австрии. При слабовольном императоре Фердинанде I во многом являлся фактическим главой государства (Ред.).

Перед тем как это произошло, о своем приезде в Прагу объявил профессор Гёпперт⁹ из Бреслау, чтобы вместе со мной осмотреть растения Древнего мира из коллекций нашего музея и сравнить со своими работами в той же области. Я поспешил туда. Мы без устали занимались исследованиями и сравнениями; некоторые трудности были преодолены, новые – возникли. Мы еще не кончили, когда высочайшие и высокие особы прибыли из Теплица в столицу. Известный многим, я оказался загружен с разных сторон; это было, как любит говорить Александр фон Гумбольдт, лихорадочное возбуждение, которое охватывало меня в течение 14 дней непрерывной деятельности с 7 часов утра до полуночи. При этом, однако, я получил немалое удовольствие, когда наши учреждения удостоились похвалы; особенно приятно было сопровождать эрцгерцога Иоганна, который окидывал все глубоким взглядом знатока.

В предпоследний день мы еще устроили выставку сортов фруктов со всей Богемии в саду Помологического общества, которая удостоилась полного одобрения и также была осмотрена Его Величеством.

Но когда все высокие господа уехали, я почувствовал себя истощенным, нога совсем охромела. Я позвал одного хирурга, чтобы сделать себе фонтанель¹⁰, забрался в карету и поехал в Бржезину, чтобы отдохнуть. Это решение оказалось мудрым, больная нога опять почти восстановилась; я снова могу ходить по много часов без особых трудностей и вообще чувствую себя удивительно энергичным. И все же, однако, остается верным: *Senectus ipsa morbus est*¹¹.

Мой правый глаз, который, безусловно, чаще был задействован при работе с лупой и микроскопом, потемнел в центре зрачка, но без малейшего изъяна снаружи, так что через края зрачка я вижу еще хорошо. Например, если на звездном небе я наблюдаю прекрасную неподвижную звезду и закрываю левый глаз, то эта звезда исчезает, но я вижу много других более малых, которые в удалении от нее стоят по кругу; или, если я

Граф Карл Клам-Мартиниц

смотрю на медную гравюру на стене, то мне совершенно ясно видны рамка и белые бумажные полосы вокруг, а рисунок совершенно размыт, как будто я смотрю сквозь закопченное оконное стекло. Что ж, этот глаз честно прослужил мне 75 лет; мне остается левый глаз, как он есть, так что я могу все еще обходиться без посторонней помощи. Ну, и с Богом!

В ноябре месяце я, как обычно, поехал на заседание Экономического общества в Прагу, где уладил и другие свои дела. Теперь я нахожусь снова в Бржезине и останусь здесь до конца года, чтобы отредактировать первый том «Истории горного дела», который должен быть напечатан в течение зимы: трудная, неблагодарная работа, которая, однако, возможно, все же не будет бесполезной; по крайней мере она учит тому, как не следует делать. Уже напечатаны документы, которые большей частью относятся к истории горного законодательства: если по воле Небес, я смогу ее закончить, она будет представлять еще больший и общий интерес. Наряду с этими двумя трудами мне нужно закончить VII и VIII тетради «Флоры Древнего мира». Для этого многое уже приготовлено: возможно, мне удастся в будущем году завершить и это.

31 декабря 1835 года. В этом месяце формирование штата Венского кабинета по предложению директора Шрайбера закончено. Теперь в большинстве областей приняты на работу дельные молодые люди, которые в состоянии сделать многое; речь идет лишь о том, чтобы через изменение хода дел предоставить им больше времени на изучение наук и больше пространства для

⁹ Иоганн Генрих Роберт Гёпперт (1800–1884) – немецкий естествоиспытатель, один из зачинателей палеоботаники, профессор университета и куратор Ботанического сада в Бреслау (Ред.).

¹⁰ Фонтанель – специально делаемая хирургом мелкая гноящаяся ранка, через которую, согласно медицинским представлениям того времени, организм освобождался от «дурной» материи (Ред.).

¹¹ Старость сама по себе – болезнь (лат.).

Иоганн Генрих Роберт Гёпперт

коллекций. И это, как я надеюсь, еще будет осуществлено, и тогда Вена с Парижем займут на равных первое место в Европе. В Англии, возможно, больше материалов в сотнях коллекций государства, обществ и частных лиц, но никто не знает, что там есть; и если бы это не было обнаружено иностранными учеными, то вряд ли когда-либо могло стать известным, сколькими бы учеными естествоиспытателями не располагали англичане. Агассис за год в английских коллекциях обнаружил, зарисовал и описал 200 новых окаменелых рыб, которые пылились там много

лет; при этой работе англичане поддерживали его самым активным образом, что делает им честь. Был бы я лет на 20 моложе, то хотел бы тоже найти там пару сотен новых вымерших растений. *Pium desiderium!*¹²

Первый том «Истории горного дела» готов, все, что было задумано в 1835 году, сделано; с этим я могу уезжать.

1836

После того как я, как обычно, провел мой 76-й день рождения и именины 6 января в Бржезине в спокойных размышлениях, взвешивая *fata utriusque fortunae*¹³ моей долгой жизни и выражая благодарность за множество щедрот, которые выпали на мою долю, 9 января я отправился для обычного зимнего отдыха в Прагу.

Утрату, которую я понес в прошедшие годы из-за смерти моего племянника и предполагаемого наследника Алоиза Штернберга, я возместил вверением моей последней воли его старшему брату Зденеку Штернбергу; и поскольку этот мой родственник еще в юности поступил на военную службу, не имея образования, то я взял его в мою резиденцию в Праге и содержал ему учителей, чтобы насколько это возможно в более позднее время наверстать упущенное. Он показывает хорошие манеры, мягкий характер и добрую волю: благословение Небу, я исполнил свой долг.

В исполнении моих обязанностей в различных обществах, среди моих любимых исследований и родственников зима прошла обычным образом.

В среду 6 апреля состоялось общее собрание Общества Богемского музея, где я, как обычно, произнес речь и еще раз сообщил кое-что о флоре Древнего мира. В то же время я работал над VII и VIII тетрадами моей «Флоры Древнего мира».

¹² Благое пожелание! (лат.).

¹³ Превратности судьбы (лат.).

Императрица Мария Анна Савойская

Император Фердинанд I

Завершение второго тома «Бразильского путешествия» д-ра Поля, чье появление я не мог ускорить отсюда *per actionem in distans*¹⁴, вынудило меня снова поехать в Вену, где я также должен был высказать свое мнение по поводу организации Венского кабинета натуралий. Это второстепенное дело, которое меня, собственно говоря, не касается, отняло у меня больше времени, чем мое собственное. Формирование штата прошло частично по представленному мной в прошлом году плану. Теперь речь шла о размещении самих коллекций, и при этом обнаружилось значительные затруднения из-за нехватки помещений и разногласий между директором и хранителем. Мне посчастливилось уговорить князя Меттерниха и графа Коловрата пойти со мной в хранилище коллекций и убедиться в невозможности организовать достойную экспозицию в этих тесных помещениях; после чего, в конце концов, *questio*¹⁵ куда был решен, так что коллекциям было выделено достаточное место, а пока бразильская коллекция вместе с дворцовыми коллекциями, насколько это возможно, должны были быть размещены, по меньшей мере, под одной крышей. Я оставил предложения о возможности подобного временного размещения; и

Князь Клеменс фон Меттерних

после того как успешно сделал и свое дело, снова вернулся в начале мая в Прагу и после некоторых мероприятий по случаю богемской коронации¹⁶ – назад в Бржезину, куда я позволил после-

¹⁴ Действием на расстоянии (*лат.*).

¹⁵ Вопрос (*лат.*).

¹⁶ Имеется в виду подготовка к коронации императора Фердинанда I Королем Богемии, которая состоялась 7 сентября 1836 года (*Ред.*).

Август Карл Йозеф Корда

довать также моему племяннику, чтобы ввести его в дела хозяйства и горного дела, которые должны однажды стать его достоянием.

13 июня я поехал, как обычно, для поправки здоровья в Карлсбад. Во время моего пребывания там я часто посещал г-на Фишера, директора и совладельца фарфоровой фабрики в Пиркенхаммере, который занимался исследованиями кизельгура¹⁷ из Франценсбада с помощью очень хорошего микроскопа, и имел возможность присутствовать при открытии, что эта порода содержит очень много целых или разбитых оболочек инфузорий. Он занимался этими исследованиями вместе с г-ном фон Эренбергом¹⁸ и благодаря этому были сделаны бесчисленные новые открытия, к которым я вернусь позже. Но истины ради, я должен еще прибавить, что, присутствуя при этом открытии, я сразу отдал распоряжение хранителю Циппе передать хранителю Корде¹⁹ образец кизельгура из Эгера для микроскопического исследова-

¹⁷ Рыхлая разновидность диатомита (Ред.).

¹⁸ Христиан Готфрид Эренберг (1795–1876) – немецкий естествоиспытатель, один из основателей микрорепалеонтологии (Ред.).

¹⁹ Август Карл Йозеф Корда (1809–1849) – чешский ботаник и миколог, куратор зоологической коллекции Пражского Национального музея. Вместе с К.Б. Преслом помогал К.М. Штернбергу при работе над VII и VIII тетрадами «Флоры Древнего мира». Часть таблиц с изображениями ископаемых растений к этому изданию была нарисована им лично. Его перу также принадлежит приложение к «Флоре Древнего мира», посвященное «сравнительной фитотомии стеблей вымерших и ныне живущих растений» (Ред.).

дования, не сообщая ему что-либо о новом открытии. Срочной почтой я получил ответ, что г-н Корда уже исследовал этот кизельгур в прошлом году и обнаружил те же оболочки. Г-н Корда приложил листок, который я храню, на котором он их нарисовал и описал²⁰. Таким образом, именно он является первооткрывателем: но поскольку он не воспользовался этим открытием, то вся честь принадлежит г-ну Фишеру, благодаря которому оно стало общественно полезным.

Затем я посетил холм Каммербюль во Франценсбаде, где затеянные мною горные работы приближались к завершению, и заторопился через Мариенбад к министру графу Коловрату в Майерхёфен.

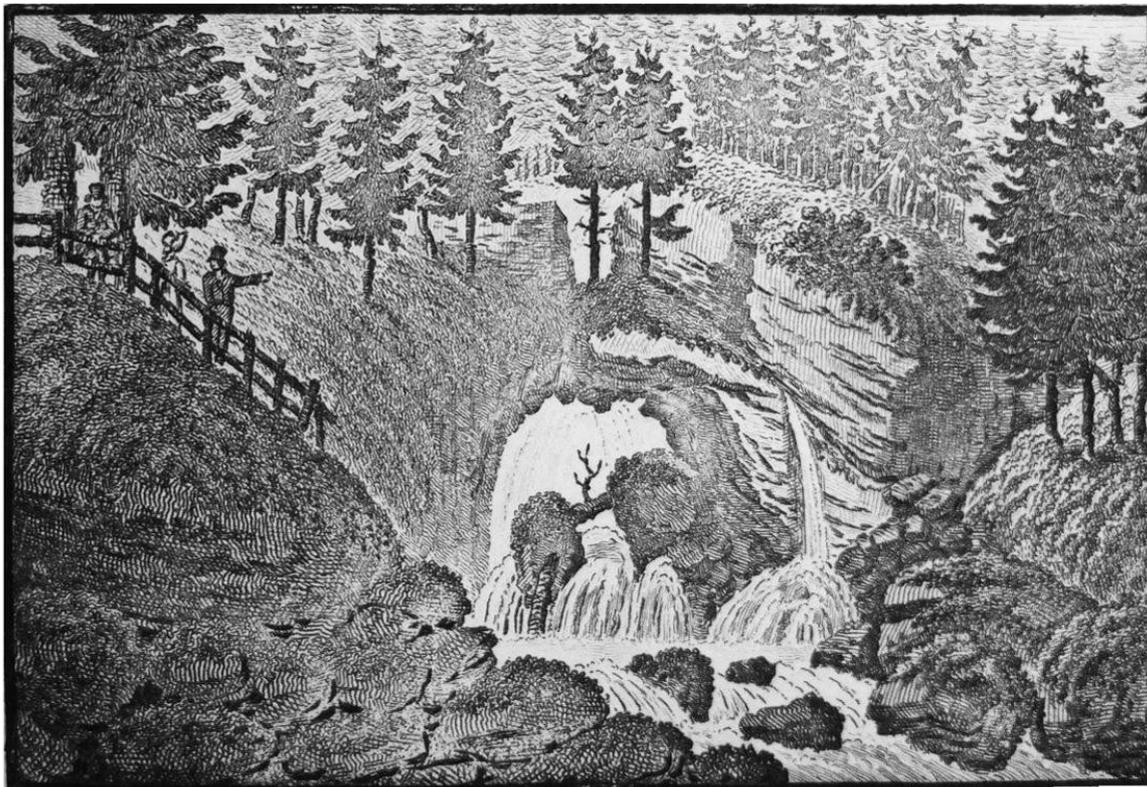
Мое внутреннее здоровье было восстановлено, но мои столь долго натруженные ноги заставляли меня беспокоиться, что я не смогу должным образом исполнять придворные обязанности во время предстоящей богемской коронации. Поэтому я решил призвать на помощь таинственные силы Гастайновского источника. Я направил свой путь через Баварию, чтобы воспользоваться случаем и посетить могилу моего незабвенного друга графа де Бре и его семью в Ирльбахе, и вызвал туда моего друга Феликса. Там я провел четыре дня в воспоминаниях о прошлом.

В Баварии, как и в Богемии, царила всепоглощающая засуха; ни одного зеленого пятнышка нельзя было заметить даже на берегах обмелевшего Дуная. Хотя небо было постоянно затянуто, лишённые влаги облака проходили одно над другим или рядом, не притягивая друг друга, не образовывалось никаких кучевых облаков, и они становились все тоньше, притягиваемые Дунайскими горами, и накапливались лишь в высокогорье.

Когда во время моей поездки я добрался до Альтэттинга, пошел дождь; дождь сопровождал меня до Зальцбурга, где уже показались прекраснейшие зеленые ковры: но как только я продвинулся дальше в горы, дождь перешел в снег, прекраснейшие места были покрыты туманом, снег поднялся до Гастайновской равнины. Я остановился в Хофгастайне, когда-то респектабельном местечке, где проживали богатейшие ремесленники Зальцбургской земли и царила большая роскошь, но которое было опустошено во время Крестьянской войны.

В течение многих лет я не вдыхал альпийского воздуха. Он был для меня очень приятен,

²⁰ Этот листок сохранился и вложен в оригинальную рукопись (Прим. издателя Ф. Палацкого).

Водопад у Голлинга

старая любовь к альпийской флоре живо проснулась; воды подкрепили меня; я делал попытки карабкаться вверх по склонам предгорья, посетил Его Королевское Высочество эрцгерцога Иоганна и короля Вюртемберга в Вильдбаде. В конце концов, когда профессор Моос приехал в Бекштайн, я предпринял экскурсию в Нассфельд и собрал много альпийских цветов.

И так я приобрел уверенность, что собрал достаточно сил, чтобы выдержать предстоящую коронацию, во время которой я взялся заменить главного камергера графа Чернина, и как только принял 21-ю ванну, я покинул Гастайн и при великолепнейшем солнечном свете отправился через удивительный перевал в Голлинг к прекрасному водопаду. Но это был и последний ясный день: в Зальцбурге и в течение всего моего пути через Линц до богемской границы я ехал через прелестную зелень, но под непрекращающимся дождем. К сожалению, я снова обнаружил здесь пыль, какую я покинул пять недель назад, и больше не видел ни одного зеленого стебелька.

Церемонию и празднование коронации я успешно пережил. Большой успех всех распоряжений, величественность церемоний, благородный дух, который проявлялся в почитании, возбудили меня: дух влиял деятельно, и тело следовало ему

охотно. Завершением явился народный праздник, который надел на все, распоряжения и исполнения, корону: ибо чтобы удержать в порядке 40000 человек на открытом воздухе, без военных и полиции, в течение четырех часов подвижного торжества и во время процессии спокойными во вспышках радости, нужен благодушный народ и опытные руководители.

Я обещал Великой Герцогине Веймарской и организаторам собрания естествоиспытателей прибыть в Йену, по возможности, в первый день собрания – и сдержал слово. Рано утром 18 сентября я прибыл и был принят с ликованием, равно и за исполнение этого слова. Подготовка к этому собранию была разумной и подобающей – лучше, чем следовало ожидать в столь малом месте, в чем более всего приняли участие г-жа Великая Герцогиня и тайный надворный советник Кизер. Собрание изобиловало прекрасными людьми; присоединились некоторые англичане, русские и Омалиус д'Аллау²¹ из Люттиха²².

²¹ Жан Батист Жюльен д'Омалиус д'Аллау (1783–1875) – знаменитый бельгийский геолог, один из основателей современной стратиграфической схемы мезозоя (Ред.).

²² Немецкое название бельгийского города Льеж (Ред.).

Людвиг Фридрих фон Фрорип

Фридрих фон Мюллер

Уже в начале года в Вене и при коронации в Праге я обратил внимание, что естествоиспытатели, вероятно, хотели бы собраться в следующем году в Праге; к этому была большая склонность. Я прозондировал знакомых мне членов, и поскольку обнаружил их готовность, то на третьем заседании последовал выбор этого места и организаторов без малейших дебатов, к общему удовольствию присутствовавших. На секциях работали упорно, праздник в Веймаре прошел на подъеме, Александр фон Гумбольдт на открытых заседаниях дважды прочел очень интересные доклады. Восемь дней пролетели незаметно, все прошло очень организованно, и прощание, связанное с радостным свиданием в Праге (!), было очень сердечным.

Я должен еще особо отметить дружеское обхождение моих старых знакомых, семьи Цигезер. В Веймаре я задержался на два дня, в основном при дворе, но также и у моих старых знакомых, канцлера Мюллера²³, Фрорипа²⁴ и др., и с первым посетил квартиру Гёте, где еще хранятся его коллекции. Мне стало больно в душе найти этот ранее столь чистый дом теперь полным пыли и грязи. Квартиру должны сдать в наем – возможно, она станет от этого чище.

²³ Фридрих фон Мюллер (1779–1849) – канцлер Саксен-Веймарского Великого герцогства, друг И.В. Гёте (Ред.).

²⁴ Людвиг Фридрих фон Фрорип (1779–1847) – немецкий медик и естествоиспытатель (Ред.).

Теперь, как обычно, я захотел собрать небольшой научный урожай в различных коллекциях и каменоломнях кейперского песчаника. Я начал с Готы, где были мои старые друзья президент фон Штайн и его супруга. Как раз в тот момент, когда я прибыл, она собиралась родить их десятого ребенка. Я посетил Райнхардсбрунн, когда-то старейшее аббатство во Франконии, уничтоженное во время Крестьянской войны, а теперь охотничий замок герцога Готы, в прекрасной местности, у подножия Тюрингенского леса. Замок был вновь отстроен в очень хорошем стиле в конце XVI века, фасад со вкусом украшен; от старого монастыря ничего не осталось кроме стоящего под старым деревом столь же старого каменного стола, пробитого насквозь падающими каплями: *gutta cavat lapidem, non vi, sed saepe cadendo*²⁵. Я облазил все каменоломни вокруг Готы, видел коллекции и кое-что новое в них, но ничего не приобрел.

Оттуда я поехал в Хильдбургхаузен, чтобы там, на месте, увидеть окаменевшие следы ног, о которых много говорилось как в Бонне, так и в Йене, но ничего не было решено; пока я видел лишь отдельные экземпляры, я склонялся к тому, чтобы считать их настоящими, но теперь этот предмет стал для меня проблематичным. Движущийся зверь должен оставлять в грязи полый отпечаток: однако, ни в каменоломне, ни у мас-

²⁵ Капля точит камень не силой, а частым падением (лат.).

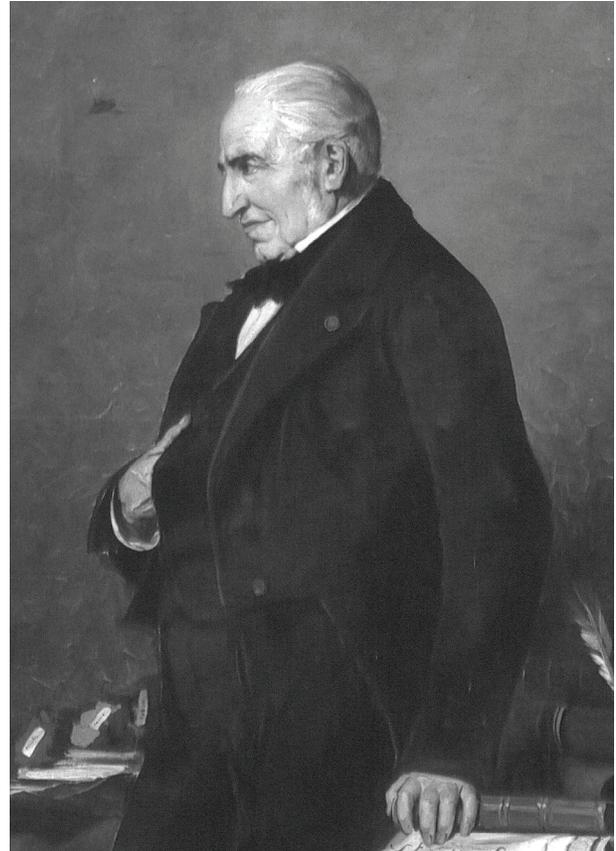

Замок Райнхардсбрунн

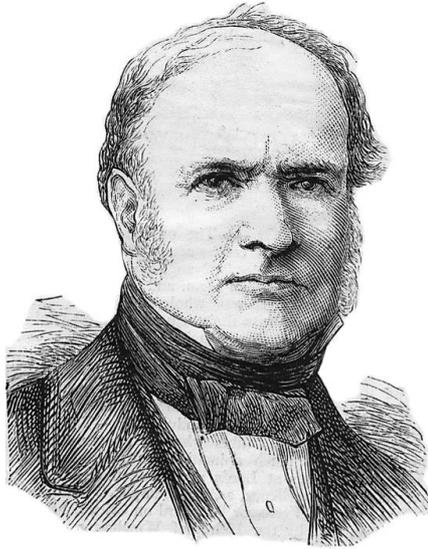
теров-каменщиков, ни еще в какой-нибудь коллекции ничего подобного нельзя было найти, только лишь выпуклые отпечатки на верхней, лежащей сверху плите. В каменоломне была вода, и я не мог отдать распоряжение вынуть плиты, однако заказал одну двойную неоткрытую, чтобы в будущем году открыть ее на заседании секции; там правда должна выйти на свет.

После осенних дождей и теплых дней природа стала по-весеннему зеленой; моя поездка и мое пребывание в приятной местности Кобурга, где все места с красивым видом, крепость Калленберг сделаны легко доступными и оставляли, благодаря этому, очень приятное впечатление. В коллекциях д-ра Бергера и во время совместной с ним экскурсии на различные каменоломни я смог точно понять отношения кейперовского песчаника к раковинному известняку, с одной стороны, и к юрским образованиям – с другой, а также кое-что добыл и сохранил. Д-р Бергер немало походил по окружающей его местности и обладает богатой коллекцией окаменелостей.

В Байройте из участников собрания я встретил наряду с графом Мюнстером, чья коллекция привлекла меня, Леопольда фон Буха, профессо-

Жан Батист Жюльен д'Омалиус д'Алуа

Жан Батист Арман Луи Леонс Эли де Бомон

ра Гёпперта (Отто уже уехал) и Эли де Бомона²⁶, возвращающегося из Швейцарии. Мы провели вместе четыре дня, копаясь с утра до ночи в этой или в окружной коллекциях, не для осмотра, а в целях изучения. Ибо здесь присутствует изобилие окаменелостей из всех местностей, которое не легко найти где-либо еще. Поскольку я намереваюсь издать в начале будущего года VII и VIII тетради «Флоры Древнего мира», то изучение различных коллекций во время этой поездки было для меня очень ценным.

13 октября я, наконец, пустился в дорогу на Эгер, посетил Каммербюль, в конце моего предприятя распорядился еще о небольших раскопках и, в конце концов, после четырехмесячного отсутствия прибыл в мою охваченную засухой Бржезину, где меня ожидали многочисленные недоимки.

31 декабря 1836. Как обычно, я тихо и в одиночестве провел последние месяцы этого года в Бржезине, за исключением восьмидневной вылазки в Прагу на экзамены молодых экономистов в Обществе. Недоимки восполнены, введения к двум тетрадям «Флоры Древнего мира» подготовлены, последняя часть «Истории горного дела» откорректирована, 26 частей «Истории горного законодательства» отредактированы, мои домашние и сельские дела, по возможности, устроены, так что я могу спокойно отправляться в путь.

²⁶ Жан Батист Арман Луи Леонс Эли де Бомон (1798–1874) – выдающийся французский геолог. Знаменит своей контракционной гипотезой развития земной коры (Ред.).

В ноябре месяце на род человеческий обрушилась холера. Она началась спорадически в деревне Прживетиц, где была недолго и унесла не много жертв, оттуда двинулась в северо-восточном направлении в город Радниц, где хотя и задержалась дольше, но также забрала лишь малое число жителей, в основном бедных и немощных людей. Оттуда она направилась на восток, перемахнула через большую деревню Врановиц и угольные шахты и пала на меньшую деревню Дарова, где находится моя железная фабрика; тут заболело более 30 человек всех возрастов и умерла почти половина. Затем она повернула на юг в деревню Кржиш и здесь заболели в 8 домах 30 человек и умерли 13. В следующей деревне восточнее, Ступно, заболел и в течение 12 часов умер один человек; его сын пришел из другой деревни навестить его, заболел, но был спасен, и этим эпидемия закончилась. В граничащем с севера местечке Либлин болезнь продолжалась дольше, но уже повсюду отступила.

Никакие внешние метеоритные обстоятельства не оказали ни малейшего влияния на это. Кажется, болезнь развилась из-за охлаждения после предшествующего перегревания и расстройства желудка. Первое лицо, которое от нее умерло, получило расстройство желудка от переедания грибов с печеными пирогами из ячменной муки и умерло за 15 часов. Один из моих пастухов сильно разогрелся на пожарище и остался на ночь охранником у места возгорания, затем пришел домой, получил переохлаждение и ничего не предпринял; ночью в 11 часов у него случились судороги, в 8 часов утра он был мертв.

Внутри домов и комнат холера является различной, особенно при возникающих дополнительно эмоциях. В деревне Кржиш заболел один сильный человек в самом цветущем возрасте; его отец и брат работали на масляной фабрике. Жителями дома им было послана весть: они поспешили домой и нашли больного борющимся со смертью в последних конвульсиях; они испугались, остались с ним, а на следующий день их поразила болезнь, и оба умерли. Из санитаров, которые специально были приглашены, не умер никто. Дети умирали, родители оставались здоровыми; родители умирали, дети оставались здоровыми. Не удается получить никакого точного прогноза этой болезни; врачи знают о ней не многим больше, чем мы, дилетанты.

Я с благодарностью завершаю уходящий год; при этом я чувствую истинность слов «Senectus

Франтишек Палацкий

ipsa morbus est): чувства, память угасают, натруженные ноги становятся негнушимися и неловкими; все же я у себя, как обычно, принимал участие в охоте, хотя и более с палкой, чем с ружьем в руках. Мои духовные силы еще позволяют мне работать без перерыва; конечно, дело сдвигается с места медленнее, чем ранее, но все же идет. За это я от всего сердца благодарю Бога за Его милость.

Так я приближаюсь к моему 77-му дню рождения, который думаю провести здесь также спокойно и в одиночестве. Моим обыкновением в этот день является посещение склепа – места моего будущего упокоения. В день нашего рождения мы бессознательно расписываемся в том, что мы, рожденные смертными, должны также умереть: в порядке вещей, что мы должны вспомнить в этот день принятое обязательство и произнести: «*Ad utrumque paratus*»²⁷; при этом речь идет не о том, случится это на час раньше или позже, чем это заключено в природе вещей, а о том, что хорошо, чтобы об этом помнили. Немногие из тех, кто расписались в одно время со мной, еще существуют; я живу большей частью с третьим поколением. Первая часть моих воспоминаний, самые живые из всех, для меня пропала; я никому не могу сказать: «ты помнишь, как

мы вместе» и т.д. Товарищей по играм больше нет, никто больше не помнит юношеские стремления того времени. Мои возрастные слабости терпят, и я благодарю за это мир молодых: но мысль, что нужно терпение, постоянно гнетет. Поэтому я и живу охотнее один, когда я никому не являюсь обузой и все же еще могу сделать кое-что полезное. Аминь.

1837

Зимние месяцы, масленица принадлежат молодежи; я же иду своим привычным путем. Обе части первого тома моей «Истории богемского горного дела» завершены и упорядочены. Я должен подождать, достигнут ли они своих целей – содействовать богемскому горному законодательству и поощрить к горным разработкам, чтобы ежедневно растущее число бедных людей нашло бы заработок и хлеб. Успех не придет быстро, нужно не мало времени поразмыслить обо всем; и мой труд не будет полностью потерян, если не наступят враждебные обстоятельства; некоторыми он уже принят.

В апреле месяце, как обычно, было общее собрание Музея. И здесь в своей речи я нашел возможность сказать несколько слов о геометрической пропорции возрастания народонаселения. Самое время, чтобы обратить на это внимание министерств. Один достойный человек в Берлине сказал не мало превосходных слов об этом, к сожалению – слишком много: сегодня четыре тома, если это не роман, не читают.

После собрания я поехал в Вену. Ранее уже отправили Палацкого в Рим, чтобы в архиве и библиотеке Ватикана собрать материалы для истории Богемии, в чем я тоже поучаствовал. В Вене мне иногда удается осуществить что-нибудь полезное. Мое свободное незначительное положение, не стоящее ни у кого на пути, способствует моей деятельности. Я никогда не требовал для себя ничего, но кое-что для других, в основном для продвижения науки: необходимо добиваться лишь частных. На главное зло – несостоятельность – ни у кого нет смелости напасть, и полстолетия она толкает нас назад, дальше наших соседей; ибо тот, кто не идет вперед, движется назад.

В июне месяце я был в Карлсбаде одновременно с эрцгерцогом Иоганном; я сопровождал его на многих экскурсиях, и наши причитания были на одну и ту же тему: мы оба вопиющие в пустыне, а наши слова замирают в воздухе!

²⁷ Готов ко всему (*лат.*).

Барон Карл Александр фон Хюгель

Теперь пришло время заняться приготовлениями к Собранию естествоиспытателей и врачей. В Праге это проходило не без трудностей, поскольку в здешних краях незнакомы с самим мероприятием. Когда большая часть дела была сделана, я вернулся в Бржезину, чтобы написать свою речь. Собрание должно стать богемским – посмотрим, как это удастся. Я привел сюда общество, поэтому и моя обязанность заботиться о нем. Но мне будет труднее, чем я ожидал: мое зрение очень ослабело; я читаю с большим трудом, но все же надеюсь на этот раз справиться.

Обещанные мне десять лет назад для Музея дубликаты бразильских коллекций мы, наконец, в этом году получили: *vaut mieux tard, que jamais*²⁸! И, в конце концов, я закончил издание второго тома «Путешествия в Бразилию» Поля: чудовищно толстый том, обширного содержания и с красивыми медными гравюрами, о которых, однако, точно неизвестно, к чему они относятся.

Передо мной открылось другое дело, в котором я принимаю большое участие. Барон Карл Хюгель²⁹ счастливо завершил свою далекую поездку по Азии, пятой части света и одной части Африки,

²⁸ Лучше поздно, чем никогда (*фр.*).

²⁹ Карл Александр Ансельм барон фон Хюгель (1796–1870) – австрийский дипломат, путешественник и естествоиспытатель. В 1830–1836 годах совершил путешествие по Южной Азии, Южной Африке, Австралии и Океании, где собрал богатые ботанические и этнографические коллекции (*Ред.*).

а его мать, моя знакомая в течение более чем 40 лет по Регенсбургу, где ее муж был императорским комиссаром в Рейхстаге, оказалась хотя еще живой, но болезненной и слабой. Она потратила почти все свое личное состояние на эту поездку и очень радовалась привезенным редкостям, но осознав свой приближающийся конец, все же забеспокоилась о том, как она должна разделить ее состояние, представленное этой коллекцией, между своими детьми. В день моего отъезда она призвала меня к своему тихому одру и обратилась ко мне с просьбой сделать возможным, чтобы государство захотело приобрести всю коллекцию. Я обещал ей это письменно и устно, поскольку из того, что я уже видел, я был убежден в том, что благодаря этому приобретению Венский музей стал бы самым богатым и полным. Но поскольку я все же мог оказать лишь не прямое влияние на эту сделку, а из-за нехватки помещений коллекции еще не были выставлены, экспонаты не были определены, каталог не составлен, то переговоры не могли быть проведены с ее стороны. Я надеюсь, однако, осуществить их и оказать добрую услугу как государству, так и этой семье.

После смерти матери мне достался дом в Вене, где я охотно проводил вечера; она всегда была дома; за чайным столом собирались люди из различных сословий, местные и чужие, беседа обычно была интересной. Подобных салонов сейчас немного; такую потерю не заменить, как, собственно говоря, никакую другую в поздние годы; я не любитель суррогатов.

25 октября 1837 года. То, что я написал три месяца тому назад, я не могу прочесть из-за слабости зрения; поэтому я не знаю, как то, что буду писать теперь, присоединится к предыдущему.

29 августа я поехал в Прагу, чтобы остаться там и ускорить завершение подготовки и мебелировки (стульями и скамьями) здания университета и устранить бесчисленные мелкие задержки, которые возникали ежедневно. Как единственный в Праге, кто посетил десять собраний и потому знал самым точным образом обычаи и злоупотребления, я должен был позаботиться о том, чтобы иностранные гости, насколько это возможно, нашли подготовленным все необходимое для удобного и приятного пребывания. В этом меня активнейшим образом поддержали все сословия, люди из бюро, городского магистрата и бюргерства, как и Rector Magnificus³⁰.

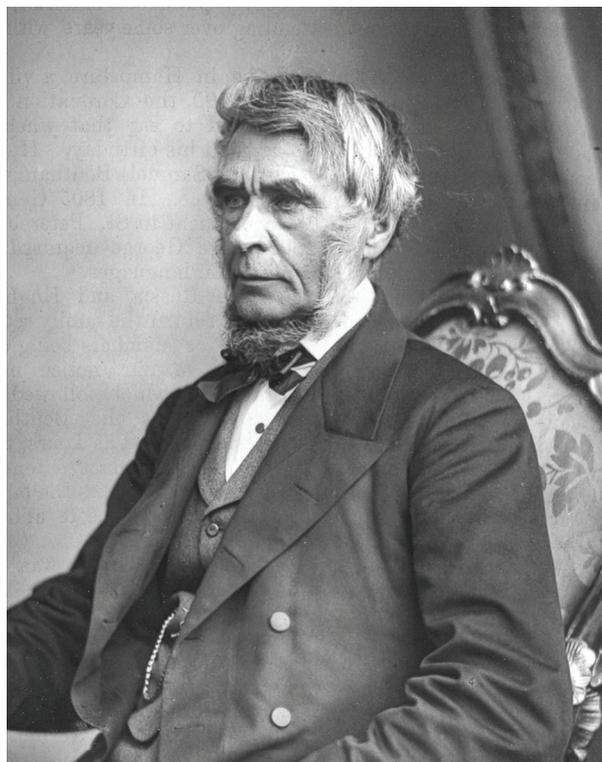
³⁰ Великолепный ректор (*лат.*) – почетное звание ректора университета в Германии и Австрии (*Ред.*).

Все говорило в пользу многочисленного собрания: лишь из Северной Германии должен был прийти отказ, поскольку юбилей Геттингенского университета совпал с собранием в Праге. Но когда в Берлине разразилась довольно опустошительная холера и один из возвратившихся оттуда актеров, г-н Костенобль, в гостинице в Праге скончался от ее последствий, это так испугало воображение истеричных женщин, что они пустились наутек и раструбили об этом ужасе, что было быстро подхвачено немецкими газетами и распространилось по всей Германии до Парижа: так мы, в конце концов, узнали из отказных писем с разных сторон глупую шутку о холере в нашем городе, где об этом ничего не было известно. К счастью не все путешественники были одинаково напуганы. Мы встретились 12 сентября в бюро, и между 14 и 18 сентября заказанные квартиры и гостиницы заполнились. События, произошедшие во время собрания, известны из газет, более точные обстоятельства будет содержать наш доклад.

Меня очень тревожило, что я не смогу прочесть вступительную речь; ибо мои глаза из-за постоянного напряжения и возбуждения очень ослабли, и дни стали очень туманными и сумрачными. Но сказано: когда вас призовут, чтобы сказать должное, у вас будет озарение – вот так я и вышел вперед и читал ясно и отчетливо, что сегодня я уже сделать больше не в состоянии. Все прошло изящно и радостно.

В день королевского обеда для гостей (в Пражском замке) я выпил за здоровье Императора со следующими словами:

«Сегодняшний день будит в наших благодарных умах воспоминания о 25 сентября 1832 года, когда Общество немецких естествоиспытателей и врачей по приказу прославляемого всеми, незабываемого императора Франца I было самым дружеским образом принято и накормлено в Лаксенбурге. То 25 сентября, когда мне была оказана честь высказать дань уважения естествоиспытателю на троне, под чьим добрым скипетром народы жили спокойно на своих виноградниках и под своими смоковницами, и день сегодняшний, который собрал нас в этом Кёнигсбурге, являются двумя важными эпохами в истории немецких естествоиспытателей и врачей. Император Франц набросил объединяющую ленту на немецких естествоиспытателей в Вене, император Фердинанд затянул ее сильнее в Праге. Холодное полюсное деление исчезло, север и юг, восток и запад сплелись друг с другом: есть

Джордж Бентам

только одна Германия, как лишь одно исследование природы, хотя оно и охватывает весь земной шар, – и мне даровано еще до моего конца увидеть исполнение долго затаенного желания принести сыну, который, следуя по стопам своего отца, закончил великий труд объединения, от имени немецких естествоиспытателей и врачей глубокую и заслуженную признательность. Да здравствует Император Австрии Фердинанд I!»

Старейшие члены, которые с Дрездена 1826 года посетили почти все собрания, поняли подлинный смысл и сказали мне по-дружески: «Окен создал собрания, Штернберг их сохранил». Я вознагражден. Мы расстались довольные друг другом.

Некоторые естествоиспытатели пожелали увидеть стоящее вертикально окаменевшее дерево (*Cycadites columnna*³¹) в моей каменоломне над каменным углем. Я пригласил их посетить меня в Бржезине и уехал туда 29 сентября. За мной последовали мистер Бентам³² из Лондона со своей женой, проф. Гёпперт из Бреслау, барон Леопольд фон Бух из Берлина, Эли де Бомон из Па-

³¹ Вероятно, этот ствол был описан позднее К. Преслом в качестве *Cycadites columnaris* Presl в VII/VIII тетрадах «Флоры Древнего мира» (Ред.).

³² Джордж Бентам (1800–1884) – английский ботаник и систематик растений (Ред.).

К.М. фон Штернберг в 1837 году

рижа и старший горный советник Нёггерат из Бонна. Мы провели пару дней в больших занятиях над и под землей в моих каменноугольных шахтах. Барон фон Бух написал мне на следующий день пару любезных слов благодарности³³. Я вознагражден. Музей в Праге прилежно посещался, учреждение, как и выставка, получили похвалу. Что еще мы могли пожелать?

Среди всех этих радостных событий я не забыл о деле с коллекциями барона Хюгеля. Как ни было мне это тяжело, но все же я составил доклад в Министерство внутренних дел об этих коллекциях и важности их покупки для Вены, обсудил и выправил его с бароном Хюгелем, когда он приехал в Прагу; и когда мои друзья по-

³³ «Ваше Сиятельство простит мне, что я пользуюсь первой возможностью, чтобы высказать Вам свою самую глубокую благодарность, а также сопровождающий меня Эли де Бомон, за щедрые наставления, которые были получены нами в Вашем кругу; что я осмеливаюсь засвидетельствовать Вам мою радость увидеть мудреца среди его творений; что я смог непосредственно увидеть то, как можно совместить глубокое изучение наук с любовью к Родине и пользой для Родины. Держитесь! На столетия вперед влияет не только непосредственная деятельность, влияет также пример и побуждает других тоже подниматься, насколько они это могут» (Либковиц, 4 октября 1837 г.)

кинули меня, я поехал через Прагу к министру графу Коловрату в имение, чтобы ознакомить его как с каталогами коллекций, так и с моим мнением о них. Он просмотрел их и поддержал мое мнение; остального теперь должен добиваться в Вене сам барон Хюгель.

При этом я узнал о некоторых планах финансового ведомства, которые совершенно изменят нашу старую Конституцию. Далекий от веры в то, что нельзя вовсе поддаваться духу времени, я все же считаю необходимым, чтобы при каждом изменении нужно спрашивать совета у истории страны и учитывать характер народа: но и то, и другое чуждо министру финансов, он совершенно несведущ. Поэтому я сразу снова поехал к себе назад в имение и продиктовал моему хозяйственному консультанту Пауку памятную записку об обстоятельствах нашей страны, о том, что вводить безвредно, чего следует избегать, и предостеречь от новшеств и их быстрого введения, когда они непопулярны и идут вразрез с историей. Ее я переслал министру графу Коловрату. Нельзя забывать, что австрийское государство состоит из наций и королевств, все из которых имели свою собственную историю, свою собственную конституцию и частично еще имеют; тут нельзя стричь всех под одну гребенку; необходимо учитывать историю, язык и тысячелетнее происхождение, если не хочешь стать непопулярным у всех сословий.

16 декабря 1837 года. Еще раз, перед тем как свет моих глаз потухнет вовсе, я захотел посетить мой любимый старый Регенсбург, где прожил 25 лет. 21 ноября я поехал туда. Большинство старых знакомых, однако, я обнаружил на обоих церковных кладбищах, где они почивают в мире; немногие еще живущие собираются подружески вокруг старых знакомых. За 14 дней, которые я там провел, я знал лишь любовь и дружбу. Княгиня Таксис, семья де Бре, друг Феликс, Ботаническое общество, Историческое объединение добивались меня. Я должен был бы передать некоторые впечатления, но я больше не вижу, что пишу. Многие впечатления отсюда я унес с собой; они должны храниться внутри меня. Благодарю всех, кто сохранил в своей памяти их старого спутника по жизни.

В вечер Св. Сильвестра (31 декабря 1837 г.). Климатерический год (77) кончился, конец моих старческих лет близок. Многое Бог дал, многое взял: да будет благословенно Имя Господне!

Конец